

18+

ДАНИИЛ СПИЛБЕРГ

ВОЛЧИЦА

Даниил Спилберг

Волчица

«Издательские решения»

Спилберг Д.

Волчица / Д. Спилберг — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Зима
1944 года. Уральский тыл. Варвара Салтыкова привыкла встречать беду
лицом к лицу, но известие о сыне становится для неё точкой невозврата.
Официальная версия событий кажется ей фальшивкой, и она отправляется
туда, где за высокими заборами и белыми халатами творятся дела,
не предназначенные для чужих глаз. Ей предстоит заглянуть в самую тёмную
бездну и вспомнить, что иногда правду не просят — её берут.

© Спилберг Д.

© Издательские решения

Содержание

«Волчица»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Волчица

Даниил Спилберг

© Даниил Спилберг, 2026

ISBN 978-5-0071-0001-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Волчица»

Февраль 1944 года, глубокий тыл. Крупный промышленный город на Урале, задыхающийся от угольной гари и человеческого горя. Зима в том году выдалась лютая, снег был не белым, а серым от заводской копоти. Он скрипел под сапогами, как скрипят зубы от бессильной злобы. Город жил в режиме все для фронта, все для победы, люди работали по 12—16 часов. Падали от усталости прямо у станков, не доедали, отдавая последние крохи детям и ждали. Ждали почтальона. Треугольник письма, жизнь, казенный конверт, смерть. Варвара Ильинична Салтыкова писем не ждала, ее война была здесь, рядом. Варваре было 45, но выглядела на все 60. Война состарила всех, но ее особенно. Она работала на мясо комбинате, в обвалочном цехе. Адская, тяжелая, мужская работа, целый день на ногах в холодном цехе, где пар из-за рта смешивается с паром от теплых туш. В руках тяжелый, бритвенно-острый нож обвалочник, взвесить кусок, найти состав. Одним точным выверенным движением отделить мясо от кости. Хруст, удар, срез. Ее руки были похожи на корни старого дерева. Узловатые, покрытые сеткой белых шрамов. Руки, которые привыкли к крови, руки, которые не дрожали. К концу смены она уже не чувствовала запаха сырого мяса и крови, который пропитал ее ватник. Дома она терла руки щелочным мылом до красноты. Но запах все равно оставался, запах смерти, ставший рутиной. Но у Варвары был свой свет в этом мраке. Сын, Вася, Василий, 19 лет. Ушел на фронт добровольцем 42-м, приписав себе год, писал редко, бодро.

— Мам, бьем фрица, скоро победа!

А месяц назад пришла весть: «Ранен, тяжелое осколочное в бедро, контузия, эвакуирован в тыл». Счастье, какое может быть страшное, горькое счастье? Узнать, что сын в госпитале, но живой, не в братской могиле под Смоленском, а здесь, в родном городе, в ВВК-госпитале №34.

Каждый вечер после смены, едва переодевшейся, смыв с себя заводскую грязь, Варвара бежала в госпиталь. Не шла, бежала, забывая про усталость, про ноющую спину, про голод, она несла ему то немногое, что удавалось выманить на барахолке. Кусочек сахара, варенную картофелину, даже кусочек сало, вынося с комбината под страхом тюрьмы. Госпиталь размещался в здании бывшей школы. В коридорах пахла карболкой, гнилью и несвежими бинтами. Койки стояли вплотную к друг другу, даже в коридорах лежали раненные на носилках. Стоны, хрипы, тяжелый матерный лай безногих инвалидов. Тихий плач, все это сливалось в единый гул войны. Но Вася шел на поправку. Молодой организм, крепкая порода, рана на ноге затягивалась, жар спал. Вчера, всего лишь вчера Варвара сидела у его койки. Он был бледный, худой с запавшими глазами, но улыбался. Она ушла поздно вечером, окрыленная. Врач, молодой хирург с красными глазами, сказал мимоходом

— Крепкий парень, Салтыкова, через неделю может уже на костыли поставим. Кризис миновал

Сегодня 17 февраля Варвара пришла пораньше, удалось выманить на рынке банку козьего молока, настоящее сокровище. Она несла ее за пазух и чувствуя приятное тепло стекла через ткань. Она представляла, как Вася обрадуется, как выпьет молоко и на его щеках снова появится румянец. Она вошла в палату №6 обычно, как к себе домой. Улыбка уже была заготовлена на ее лице. Она посмотрела в дальний угол, к окну, где стояла койка сына и замерла. Банка с молоком чуть не выскользнула из ослабевших пальцев. Койка была пуста, матрас свернут рулоном. Железная сетка кровати блестела в свете тусклой лампочки. Ни Васи, ни вещей, ни тумбочки с жестяной кружкой. В груди Варвары что-то оборвалось, холодный, липкий страх, страшнее, чем перед бомбежкой, змеей пополз по позвоночнику. Она метнулась к соседней койке где лежал однорукий танкист дядя Миша.

— Миша...

Хрипло выдохнула она, хватая его за плечо.

— Миша, где Вася? Где мой сын? Перевели в другую палату?

Танкист отвёл глаза. Он смотрел куда-то в сторону, на облупленную краску стены и молчал. Его лицо обычно приветливое, сейчас было каменным и серым.

— Миша, не молчи!

Варвара почти кричала, в её голосе звенели истерические нотки.

— Куда его дели? Ему же лучше было.

— Ночью увезли Ильинична...

Тихо, не глядя на неё, пробурчал танкист.

— Пришли санитары, погрузил на каталку и увезли.

— Куда? На операцию? Осложнение?

— Не знаю.

Танкист натянул одеяло до подбородка.

— Сказали, в спец палату, в изолятор.

Варвара вылетела в коридор. Ноги везли её сами. Ординаторская. Дверь распахнулась от удара её плеча, за столом сидела старшая мед сестра, полная женщина с неприятным рыхлым лицом, которая смотрела на посетителей, как на назойливых мух. Она пила чай с сахаром в прикуску. Чай, с сахаром, в 44-ом.

— Где Салтыков?

Варвара тяжело дышала, опираясь руками о стол.

— Василий Салтыков, шестая палата. Где он?

Мед. Сестра медленно с лентой отставила кружку с чаем, поправила на крахмаленный колпак. В её глазах не было сочувствия, только скука и какое-то странное, скрытое раздражение.

— Салтыков?

Она потянула к себе журнал.

— Салтыков. Салтыков. А, вот. Умер ваш Салтыков, сегодня ночью, в 3:15, острая сердечная недостаточность.

Мир качнулся. Потолок и пол поменялись местами, звуки исчезли, остался только тонкий, пронзительный звон в ушах.

— Врешь...

Прошептала Варвара, голос её не слушался.

— Врёшь сука, какая недостаточность? Ему 19 лет! Он вчера смеялся! Врач сказал, что он поправляется, кризис миновал.

— Гражданочка, не истерите.

Голос медсестры стал стальным.

— Это война, ранение тромбы, тромб оторвался и всё, мгновенная смерть. Врач не Господь Бог.

— Я хочу его видеть.

Варвара выпрямилась, слёз не было, был только этот холод, сковавший всё внутри.

— Где тело? В морге? Видите.

Медсестра поджала губы.

— Не положено, морг переполнен. Тиф в городе не слышали? Карантин у нас, тело уже вывезли.

— Куда вывезли?

Варвара шагнула к ней. Медсестра невольно отшатнулась, увидев глаза этой женщины, глаза матери, у которой отнимают детёныша. Глаза волчицы.

— В общую могилу

Быстро сказала медсестра.

— Утром машина была похоронная. Всех, кто за ночь, того. Всех увезли на Северное кладбище, захоронили уже. Документы потом получите в ЗАКСЕ.

— В общую?!

Варвара схватила медсестру за халат, рванула на себя так, что затрещала ткань.

— Моего Васю, героя, в яму как собаку, без матери, даже попрощаться не дали!

— Пустите!

Взвизгнула медсестра вырываясь.

— Я милицию позову! Охрана! Григорий!

В дверях появился санитар. Огромный, с бычьей шеей и рябым лицом. Григорий Зырянов. Варвара его знала, местные шептались, что Гришка, бывший уголовник, которого пристроили в госпиталь по блату, он всегда пах спиртом и смотрел на женщин масляными липкими глазами.

— Чего шумим, мамаша?

Прохрипел он, лениво перекатывая папиросу во рту.

— Порядок нарушаем?

Он перехватил руку Варвары, его пальцы были как тиски.

— Уходи по-хорошему тётка.

Тихо сказал он ей в самое ухо. От него несло перегаром и чем-то сладковатым, тошнотворным.

— Умер твой пацан, сгорел. Нечего там смотреть. Похоронили, значит, похоронили, иди домой помяни.

Варвара посмотрела на него, потом на медсестру, которая поправляла халат дрожащими руками, и вдруг поняла, они врут, они оба врут. В их глазах не было скорби. Не было даже профессионального цинизма врачей, привыкших к смерти, в их глазах был страх и что-то ещё. Жадность, торжество. Она вспомнила, как неделю назад видела, подъезжая к чёрному входу госпиталя странную машину. Несанитарную полуторку, расхлябанную грязную, а чёрную легковушку, блестящую как лакированный ботинок. Эмку. И Гришка Зырянов, этот Боров суетился вокруг неё, помогая грузить какие-то ящики, не гробы. Не длинные, сколоченные с горбыля ящики для мертвецов. А небольшие, аккуратные контейнеры, обшитые войлоком.

— Я пойду.

Тихо сказала Варвара. Она высвободила руку, сила в её руках была такая, что Зырянов удивился, но виду не подал.

— Я пойду.

Она вышла из ординаторской, прошла по коридору, не замечая никого, вышла на улицу, в серый февральский день. Снег падал на лицо, таял, смешиваясь со слезами, которые наконец-то хлынули из глаз, но Варвара не пошла домой. Она обошла здание госпиталя и спряталась за углом котельной, откуда был виден задний двор и двери морга. Материнское сердце не обманешь, трюм, сердце. У 19-летнего парня, который вчера строил планы на жизнь, она стояла в сугробе час, два. Холод пробирал до костей, но она не чувствовала его, внутри неё горел другой огонь. В сумерках к воротам морга подъехала машина, та самая, чёрная эмка. Из неё вышел человек в дорогом с каракулевым воротником. За ним семенил кто-то в белом халате, наброшенным на плечи. Варвара прищурилась, она узнала человека в халате, это был не дежурный врач, это был сам главврач госпиталя Валерий Маркович Бельский. Интеллигент, эстет, о котором говорили, что он хирург бога. Они о чем-то говорили у открытых дверей морга, потом Зырянов выкатил каталку. На ней лежало тело, накрытое простынёй, но простыня была короткой. Варвара Зажала рот рукой, чтобы не закричать. Из-под простыни торчала нога, на щиколотке знакомая родинка, и бинт. Свежий, чистый бинт, который она сама вчера поправляла, это был Вася. Но его не грузили в похоронную машину, его грузили в скрытый фургон без окон, который подъехал следом за эмкой. Грузили бережно, не как труп, а как ценный груз.

Эмка и фургон тронулись с места, Варвара запомнила номера. Она знала этот город как свои пять пальцев, Она знала куда ведёт эта дорога. В сторону старых Дач об компартии, в закрытую зону, где раньше был санаторий для туберкулёзных, а теперь? Теперь никто не знал, что там. Варвара вышла из тени, её лицо изменилось. Исчезла убитая горем мать, появилась та, кем она была на работе, обвальщица, мастер по разделке, женщина, которая знает, где у живого существа находится сухожилие, который нужно, перерезать, чтобы оно перестало трепыхаться. Она сунула руку за пазуху, банка с молоком всё ещё была там, тёплая. Она достала банку и со всего размаху швырнула её в стену морга, стекло разлетелось со звоном. Белая лужа расплылась по грязному кирпичу как кровь.

— Я Найду тебя, сынок.

Прошептала Варвара. И её шёпот был страшнее крика.

— А их? Их я разделю, по суставам.

Она поправила платок, развернулась и пошла прочь. Не домой, а туда, где хранились инструменты её покойного мужа охотника, и её собственные, рабочие. Смерти нет, есть только долг и плата по счетам. Коммунальная квартира, где жила Варвара, спала тревожным голодным сном. За тонкими фанерными перегородками кто-то кашлял, кто-то тихо плакал, баюкая ребёнка, где-то храпел, уставший заводчанин. Варвара сидела за столом в своей крохотной комнатке, перед ней горела коптилка. Сплюснутая гильза от снаряда, заправленная керосином. Пламя дрожала, отбрасывая на стены длинные пляшущие тени. На столе лежал её рабочий инструмент, нож обвалочник. Сталь, закалённая годами работы, рукоятка обмотана изолентой, чтобы не скользила в жирной от крови руке. Варвара медленно водила лезвием по точильному бруску, этот звук был единственным, что успокаивало её сейчас, монотонный, гипнотизирующий ритм. Она проверяла остроту ногтем большого пальца, лезвие не цепляло, оно впивалось, идеальная заточка, таким ножом можно разделить тушу быка за пол часа. А человека? Человек мягче, у человека нет такой толстой шкуры, нет такого мощного хребта. Варвара посмотрела на фотографию своего сына, стоявшую у зеркала. Вася в гимнастёрке, смешной лопухий, ещё до фронта.

— Потерпи сынок

Прошептала она.

— Мать идёт.

Ей нужно было знать наверняка, видеть эмку и фургон — это одно, но ей нужны были доказательства. Ей нужно было знать, куда именно увезли Васю. В тот район за городом, к спецдачам, вело три дороги, одна к старому складу, другая к полигону, третья к бывшему санаторию ЦК, который теперь, по слухам, стал закрытым реабилитационным центром для высшего комсостава, но туда так просто не сунешься. Там охрана, там НКВД, там стреляют без предупреждения. Ей нужен был язык. Тот, кто болтлив, тот, кто жаден, тот, кто потерял страх. Гришка Зырянов. Утром Варвара не пошла на смену, это была не слыханным преступлением, прогул в военное время карался трибуналом, но ей было плевать. Она сказалась большой соседке, попросив передать мастеру, что скрутила спину. Сама же надела старый, потёртый ватник мужа, замоталась платком так, что видны были только глаза, и пошла к городскому рынку. Рынок в 44-ом был местом страшным и пёстрым, здесь можно было купить всё. От трофейного парабеллума до совести. Здесь меняли хлебные карточки на обручальные кольца. Здесь инвалиды на тележках торговали самосадом. А беспризорники шныряли в толпе, срезая кошельки. Варвара знала, что Гришка бывает здесь. Санитары часто приторговывали медикаментами: Спиртом, морфием, бинтами. А у Гришки, судя по его сытой роже, водилась и что-то посерьёзнее. Она ждала два часа, спрятавшийся за углом лабаза. Холод пробирал до костей, но внутренняя ярость горела лучше печки. Он появился к полудню. Шёл вальяжно, в расстёгнутом полушубке, в хромовых офицерских сапогах, которые явно были ему не по размеру. На голове — кубанка на бекрень. Гришка чувствовал, себя хозяином жизни, Варвара двину-

лась следом, она умела ходить тихо. На охоте с мужем она научилась ступать так, чтобы не хрустнула ни одна ветка. Зырянов прошёл мимо рядов тряпьем и нырнул в неприметную дверь полуподвала. Шашлычная для тех, у кого водились деньги. Для спекулянтов, воров в законе и тыловых крыс. Варвара подождала минуту и спустилась следом. В подвале было накурено так, что хоть топор ведший. Пахло жареным луком, дешёвым табаком и кислым вином. За столами сидели тёмные личности, играли в карты, пили. Гришка сидел в углу, за козырным столом. Перед ним уже стоял графин с водкой и тарелка с дымящимся мясом. Напротив, него сидел щуплый мужичонка с бегающими глазками, известный скупщик краденного по кличке фикса. Варвара надвинула платок на самые глаза и села за соседний столик, спиной к ним. Заказала стакан морковного чая. Слух у неё был отменный.

— Ты не темни, Григорий.

Сиплым голосом говорил Фикса.

— Товар серьёзный, золотишко-то с зубов или пальцев?

— Тебе какая разница?

Гоготнул Зырянов, наливая себе полный стакан.

— Золото оно и есть золото. Не пахнет.

— Так-то оно так. Но больно уж часто ты таскаешь. Неровен час спросят, откуда у простого санитара столько рыжя.

— А кто спросит?

Гришка стукнул стаканом по столу.

— Я Фикса под крышей хожу. Под такой крышей, что тебе и не снилось. Мой хозяин — он самой Москвой на короткой ноге, ему сейчас не до золота. Ему другое нужно. А это так, отходы производства.

Отходы производства. Варвара сжала стакан так, что он мог лопнуть. Золотые зубы, кольца, они снимали это с умерших, мародёры.

— А что-нужно-то?

Фикса понизил голос, подавшись вперёд.

— Слышал я болтает, будто вы там на дачах колдуете, кровь молодым сосёте, как упыри.

Гришка расхохотался. Громко. Пьяно.

— Дураки болтают. Наука Фикса. Медицина будущего. Валерий Маркович — гений, он говорит. Старость — это болезнь. Главное — лекарство, правильное — подобрать.

Он наклонился к собеседнику, и Варвара затаив дыхание, откинулась чуть назад, чтобы лучше слышать.

— Вот вчера

Зашептал Гришка, но в пьяном угаре его шёпот был слышен как крик.

— Привезли материал. Первый сорт — молодой, здоровый, ранение пустяковое — жить да жить. А Валерий Маркович глянул и говорит.

— Идеальный гипофиз, и группа крови редкая. Первая отрицательная, как у товарища Угольников. Смекаешь? Товарищ Угольников вторую неделю на даче ждёт. У него печень шалит, да и по мужской части, омолодиться хочет.

У Варвары потемнело в глазах. Первая отрицательная. У Васи была первая отрицательная, она помнила это, когда сама сдавала кровь для него в детстве. Материал. Они называли её сына материалом.

— И что?

Спросил Фикса жадно блестя глазами.

— А то, сегодня ночью говорит, будем готовить эликсир. Угольников торопит, так что я сегодня гуляю, а к вечеру — на объект. В сосны.

— Страшно там у вас, в соснах.

Передёрнул плечами скупщик.

— Глухомань и охрана зверская.

— А то.

Гордо заявил Зырянов.

— Потому что там куётся здоровье партии.

Сосны. Бывший санаторий НКВД, теперь Варвара знала точно. Она встала, бросила на стол мятые купюры за чай и вышла на улицу. Воздух показался ей сладким после смрада подвала, но теперь у неё была цель. До вечера оставалось несколько часов. Варвара вернулась домой, ей нужно было собрать тревожный чемоданчик. Только не для эвакуации, для войны. Она достала из сундука старый вещь-мешок мужа, положила туда моток крепкой бельевой верёвки, фонарик жучок, кусок хозяйственного мыла. Зачем она пока не знала, но интуиция подсказывала — пригодится. И самое главное — свёрток из плотной ткани, в нём лежали её ножи, три штуки. Один — длинный, узкий для жил. Второй — широкий, тяжёлый секач. И третий — её любимый, с коротким хищным лезвием, которым так удобно вскрывать суставы. Она оделась тепло, две кофты, ватные штаны, сверху тот же мужа ватник. На ноги валенки с галошами. Тихо, мягко, тепло. На пояс под ватник она повесила ножны, холодная сталь прижалась к бедру и это прикосновение предало ей сил. Но прежде чем идти в сосны, ей нужно было сделать ещё одно дело. Последнее сомнение — крошечный червячок надежды, который всё ещё грыз её душу, а вдруг ошибка. Вдруг Вася, правда, умер. Нужно было раздавить, северное кладбище находилась на окраине. Варвара добралась туда, когда зимние сумерки уже начали сгущаться, превращая кресты и звёзды на могилах в чёрные силуэты. Ей нужен был сторож — старый митрич. Он копал могилы ещё до войны, знал всех и всё. Митрич был в своей сторожке, грел буржуйки и пил мутны, самогонку. Увидев Варвару, он сначала испугался, приняв её за смерть с косой, но, узнав, перекрестился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.